

В.В.Дудкин

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ — ТОГО ЖЕ САМОГО?

Анализируется «Вечное возвращение того же самого» Ницше в ракурсе его полной несовместимости со «сверхчеловеком», которого никогда еще не было. Но Ницше даже не пытался как-то разрешить эту проблему совместимости несовместимого, поскольку он отвергал всякую «каузальность». Тем не менее, он все же находил возможность совместить то и другое в некоем целом. Так происходит в самой главной идее, составляющей стержень всей философии Ницше — в «воле к власти». Вечное возвращение есть инструмент воли к власти, а сверхчеловек — ее субъект.

Ключевые слова: Ницше, Вечное возвращение, сверхчеловек, воля к власти, повтор

Идея вечного возвращения в ее тождественной, тавтологической форме, которую пережил Фридрих Ницше как откровение, осенившее его в 1881 году, возникла еще на ранней стадии древнегреческой культуры (и не только культуры древнегреческой) и получила название «апокатастасис», т.е. возвращение в прежнее состояние, восстановление. Учение об апокатастасисе восходит к пифагорейской школе и Гераклиту и получило концептуальное оформление у стоиков, утверждающих смену тождественных миров [1].

Древнегреческая версия вечного возвращения была основательно, с привлечением древнегреческих философских и художественных произведений, проанализирована А.Ф.Лосевым в его работе «Античная философия истории». Вечное возвращение представлено как эйдос, идея наглядная, идея-картинка, а не абстрактный конструкт, как «видимая и оформленная сущность». А эта последняя раскрывается таким образом: «Одни и те же небесные светила с идеальной закономерностью восходят по небесному своду и нисходят из него. Одна и та же картина мира существует здесь решительно везде и всегда, так что все индивидуальное и личное, и вообще все оформленное, то созидаясь, то разрушаясь, вечно возвращается к самому себе. И от этого своего вечного круговращения оно ровно ничего не получает нового. Здесь перед нами не что иное, как идея вечного возвращения, которая много дебатировалась в новой и новейшей философии, но которая именно в античности представлена в наиболее очевидном и неопровержимом виде» [2, с. 20].

«Очевидное» и «неопровержимое» выступают здесь в причинно-следственной связи: если очевидно, значит, и неопровержимо. Но вечное возвращение предполагает вечное движение, бесконечность. А «бесконечность» есть наиабстрактнейшая из всех абстракций, которая принципиально не узрима, недоступна всякому чувственному восприятию. Гениальные греки сумели поставить предел бесконечности, сняв ее в гармонии античного космоса. Сошлемся на А.Ф.Лосева: «У античных философов решительно все движется, но в конце концов и покоится в пределах одной космической шаровидности». Следовательно, покоится в своем вечном движении, как и сам круг [2, с. 20-21].

Вечное возвращение, перемещаясь то в центр, то в дальнюю периферию, никогда не исчезало из поля культуры. Оно появилось, правда, уже в новом, человеческом измерении, где можно разглядеть элементарную логику гипотезы. Так, английский материалист XVIII века Д.Пристли утверждал: «Я верю в учение о воскресении мертвых... Смерть с сопутствующим ей гниением и рассеянием частиц представляется *разложением*. Но что разложено, может быть *соединено*» [3, с. 223]. А вечное возвращение в неживой природе — как гипотезу — допускал Гегель [4, с. 121].

Д.Пристли — это XVIII век. В XIX веке вечное возвращение переживает своего рода Ренессанс, сохранив свою актуальность и в веке двадцатом, поскольку оно накрепко связалось с именем Фридриха Ницше.

Ницше — профессор классической филологии Базельского университета — не мог не знать об этой идее из античных источников. Но любопытен тот факт, что эта идея вдруг осенила его только в 1881 году, причем повергла его в сильнейшее эмоциональное потрясение. О чем он поведал Луи Андреасу, человеку его близкого круга и confidentу. Она вспоминает, что Ницше в августе 1881 года, в Энгандине поделился с ней «...словно тайной, словно идеей, одна только возможность доказательности которой повергала его в ужас. Он говорил об этом шепотом и с выражением безмерного ужаса» [4, с. 117].

В XIX веке вечное возвращение получило широкое распространение не только в философии, но и в литературе. Появилось оно и в научнообразной форме, как, например, в книге революционера Луи Бланки, который представил его как «астрономическую гипотезу». В своей книге «Звездная вечность» он исходил из квазиаксиомы об ограниченности материи в бесконечном потоке времени и неизбежной отсюда повторяемости ее комбинаций в масштабе всей вселенной. Характерно в данном контексте, что Бланки писал свою книгу в тюрьме, т.е. в очень ограниченном пространстве с монотонно повторяющимся набором действий и состояний. Такое положение могло не только наводить на «астрономическую гипотезу», но и подтверждать ее состоятельность. Итак, слово Луи Бланки: «То, что я пишу в данный момент в тюремной камере Торо, я писал и буду писать вечно; и будет тот же стол, и та же ручка, и та же одежда, и похожие условия. И так с каждым... Она в сущности, невеселая, эта звездная вечность человека» [5]. Для нее Бланки нашел образ: вечно переворачиваемых песочных часов, к которому неоднократно прибегал Ницше.

Первое упоминание, вернее, рассуждение Ницше о вечном возвращении относится ко времени написания книги «Веселая наука» (первые четыре книги были изданы в 1882 году). Оно представлено как раз в самом конце, в предпоследнем афоризме четвертой книги под названием: «Величайшая тяжесть». И далее следует: «Что, если бы днем или ночью подкрался к тебе в твое уединеннейшее одиночество некий демон и сказал бы тебе: «Эту жизнь, как ты ее теперь живешь и жил, должен будешь ты прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз; и ничего в ней не будет нового, но каждая боль и каждое удовольствие, каждая мысль и каждый вздох и все несказанно малое и великое в твоей жизни должно будет заново вернуться к тебе, и все в том же порядке и в той же последовательности, так же и этот паук, и этот лунный свет между деревьями, также и это вот мгновение и я сам. Вечные песочные часы бытия переворачиваются все снова и снова — и ты вместе с ними, песчинка из песка!» — Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами и проклиная говорящего так демона? Или тебе довелось однажды пережить чудовищное мгновение, когда ты ответил бы ему: «Ты — бог, и никогда не слышал я ничего более божественного!». Овладей тобой эта мысль, она бы преобразила тебя и, возможно, стерла бы в порошок; вопрос, сопровождающий все и вся: хочешь ли этого еще раз, и еще бесчисленное количество раз?» — величайшей тяжестью лег бы на твои поступки! Или насколько хорошо должен был бы относиться к самому себе и к жизни, чтобы не жаждать больше ничего, кроме этого последнего удостоверения и скрепления печатью» [6, с. 660].

Пространное цитирование обусловлено существенными, на наш взгляд, соображениями. Во-первых, эти слова еще сохраняют эмоциональный накал, потрясенность Ницше в его вышеупомянутом и недавним по времени разговором с Луи Андреас-Саломе. Во-вторых, можно допускать знакомство Ницше с упомянутой книгой Луи Бланки «Звездная вечность», где эта самая вечность представлена в сравнении с песочными часами. Но у Бланки есть одна фраза: «похожие условия», которая диссоциирует с тотальной идентичностью возвратов, но не перечеркивает ее.

Ну, а пока стоит припомнить, как отреагировал на вечное возвращение Достоевский, самый серьезный оппонент Ницше до Ницше, (т. е. до того, как стал известен миру).

«Вечное возвращение» упоминается в одиннадцатой книге романа «Братья Карамазовы», опубликованном в 1880 году, т.е. ранее, чем оно вдруг явилось Фридриху Ницше в Энгандине в 1881 году. Неизвестно, когда и каким образом писатель узнал об этой для него весьма экзотичной идее (возможно, от Н.Н.Страхова). Но его реакция на вечное возвращение была с позиций православного христианина вполне предсказуемой. Оно всплывает в 11 книге «Братьев Карамазовых» в разговоре Ивана Карамазова с чертом (или в поединке с самим собой). Саму идею вечного возвращения излагает черт, и сам этот выбор говорит о многом, если не обо всем. И вот как он рассуждает: «...Да ведь ты думаешь все про нашу теперешнюю землю! Да ведь теперешняя земля, сама-то миллиард лет повторялась; ну, отживала, леденела, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные части, опять вода, я же бе над твердью, потом опять комета, опять солнце, опять из солнца земля — ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторяется, и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая...» [7, с. 79]. Смысл высказывания как у Ницше, так и у Достоевского договаривает стиль изложения: у Ницше он выдержан в трагической патетике утверждения бессмысленности бытия, у Достоевского — в предельно сниженной до банальной «скучища неприличнейшей». Однако стилистический разницей несколько не подвергает сомнению тот факт, что философ Ницше и черт Ивана Карамазова, выходит, единомышленники. В «Заратустре» его автор заявил об этом сходстве недвусмысленно: «Вы, высшие люди, каких встречал мой взор! В том сомнение мое в вас и тайный смех мой: я угадываю, вы бы назвали моего сверхчеловека дьяволом!» [8, с. 104].

Версии вечного возвращения Ницше и черта Ивана Карамазова тождественны. Но на фоне этой тождественности тем более заметно их существенное различие. У черта представлен планетарно-космический, астрономический вариант. Человек в этой круговерти никак не обозначен, не представлен. Кстати, примерно так же видели вечное возвращение древние греки. Там очень общо сказано, что человек повторяется вместе со всей природой, со всем космосом, но только как их неотъемлемая часть, и не более того. Это вполне логично в «природной философии истории» (так, А.Ф.Лосев называл вечное возвращение). Оставаясь в парадигме «природной истории», древние греки все же вышли и на субъектность человека.

А.Ф.Лосев, анализируя философию истории Платона и его «астрономический историзм», где «история человечества уже непосредственно связывается с учением о космическом движении», как раз и сталкивается с этим самым курьезом. Он пишет: «Удивительным образом Платон здесь вдруг объединяет преступление Атрея с нарушением правильного движения солнца» [2, с. 149-150]. Речь идет о мифе, повествующим о чудовищном преступлении Атрея, жена которого изменяла ему с родным братом Атрея — Фиестом. Жену Атрея бросил в море, а брата угостил блюдом из мяса его детей. Боги пришли в ужас от этого преступления и прокляли род Атрея. Но мало того, чудовищное преступление Атрея нарушило гармонию мирового космоса и сбilo солнце с его небесного пути. (Этот пример астрономического историзма Платона воспринимается сегодня не только как античная древность, а как, упаси Боже, некое подобие вероятного будущего человечества и прекрасной планеты Земля, когда проступок одного человека может погубить все человечество).

Хотя в данной работе «вечное возвращение» рассматривается в определенном ракурсе, следует, тем не менее, подчеркнуть, что эта идея не есть следствие влияния извне или озарения в Энгандине в 1881 году. Она органически выростала и формировалась в творчестве Ницше до «Веселой науки», в предшествующей книге,

где уже была заявлена и запущена на полную катушку «переоценка ценностей» — в «Человеческом, слишком человеческом» (См., например, афоризмы 246, 247, 251).

В сравнительно недавно изданном Институтом философии РАН сборнике статей «Фридрих Ницше. Наследие и проект» в работе Йохана Фигла, кандидата философских наук, доктора теологии, почетного профессора религиоведения Венского университета (Австрия), слова Ницше (из приводимого выше в русском переводе 341 афоризма из «Веселой науки») в оригинале: *Das neue Schwergewicht: die ewige Wiederkehr des Gleichen*” и т.д., дается (впрочем, не только у него) в непривычном переводе последних слов. Вместо терминологичного клише «вечное возвращение того же самого» читаем: «вечное возвращение подобного» [9, с. 584]. Но «подобное» не есть «идентичное». Конечно, в немецком языке само слово “gleich” имеет два значения: ‘подобный’ и ‘тождественный’. Но это обстоятельство никак не проясняет выбор, в данном случае, явно намеренный, хотя и неожиданный. Ведь сами-то два значения немецкого слова семантически явно не совпадают. И «вечное возвращение того же самого» в таком переводе превращается в повтор, который никогда не бывает идентичен тому, чему он вторит. Но Ницше настаивал именно на тавтологии повтора не только в «Веселой науке». В книге «Так говорил Заратустра» сказано недвусмысленно самим Заратустрой так: «...Но связь причинности, в которую вплетен я, опять возвратится, — она опять создаст меня! Я сам принадлежу к причинам вечного возвращения. Я снова возвращусь с этим солнцем, с этой землею, с этим орлом, с этой змеею — не к новой жизни, не к лучшей жизни, не к жизни, похожей на прежнюю: я буду вечно возвращаться к той же самой жизни, в большом и малом, чтобы снова учить о вечном возвращении всех вещей...» [8, с. 161].

В незавершенном трактате «Воля к власти», в последнем разделе его четвертой книги, озаглавленной «Вечное возвращение», Ницше продолжает настаивать на «мире как круговороте, который бесконечное число раз уже повторился и который ведет эту свою игру до бесконечности» [10, с. 557].

Вернемся к указанной выше статье Й. Фигла, где в русском переводе появилось «подобное» вместо «того же самого». Контекстуально этот перевод оказался точным. Дело в том, что указанный автор ссылается на отдельный пункт из первой подборки тем под заголовком «Возвращение подобного», где, в частности, Ницше задается вопросом: «Что делать нам с *остатком* нашей жизни — нам, которые большую ее часть провели в глубочайшем неведении?» [9, с. 557]. Кто же, спрашивается, открывает человеку глаза? А сам он, Ницше, естественно, его философия. Обратимся к последней, исповедальной книге философа, где он заявляет: «В предвидении, что недалек тот день, когда я должен буду подвергнуть человечество испытанию более тяжкому, чем все те, каким оно подвергалось когда-либо, я считаю необходимым сказать, кто я» [8, с. 694]. Эти слова соответствуют названию этой книги — «Ессе homo» («Се человек») принадлежат Понтию Пилату, сказанные об Иисусе Христе. Но Ницше отвергал христианство. Более того: он проклинал его. Предпоследняя его книга называлась «Антихристианин. Проклятие христианству», где «антихристианин» — он же антихрист, черт, сатана (по-немецки эти два понятия называются одним и тем же словом *Antichrist*). Ницше часто обыгрывал двусмысленность слов, что, в конечном счете, придавало не случайную, а нарочитую двусмысленность, недосказанность его философии, где его такие ключевые понятия, как «вечное возвращение того же самого» и «сверхчеловек» пребывают одновременно в статусе как термина, так и метафоры. О первом сказано уже немало. А что такое «сверхчеловек»? В «Заратустре» философ делает попытку его, «сверхчеловека» дефиниции как черта, но и одновременно увиливает от нее, делая это опосредованно. Он вкладывает ее в уста «высших людей», но спешит при этом дистанцироваться от них, сомнением в них и «тайным смехом» над ними, ибо это люди из того мира, который в его философии вывернут наизнанку. Точно так же философ остается при этой аналогии (т. е. «сверхчеловек» — это черт) и вышеупомянутой предпоследней его книге «Antichrist», где само это слово лексически двусмысленно. Но это другой вопрос. Наш вопрос: как вписывается сверхчеловек в «вечное возвращение того же самого», если сверхчеловека еще никогда в этом круговороте не было (во всяком случае, исключая реплику из посмертно опубликованного незавершенного трактата «Воля к власти», приведенную Й. Фиглом). Ответ найти не просто. И все же попытки навести мосты между «вечным возвращением» и сверхчеловеком Ницше делал: Заратустра поднимает на дороге слово «сверхчеловек» там же, где «мир мнил пророку, выпущенному на свободу... убегающим обратно к самому себе» [8, с. 142]. Другой пример: Заратустра, проповедующий сверхчеловека, заявляет, словно разрубает гордиев узел: «Я сам принадлежу к причинам вечного возвращения» [8, с. 161].

Однако эти соображения не дают все же достаточного основания утверждать причинно-следственную связь этих двух важнейших идей философии Ницше. Они рядоположены. Это своего рода философская эквилибристика. Провозгласив «сверхчеловека» посланцем грядущего, обновленного мира, он буквально вцепился в «вечное возвращение того же самого», объявив демона, который ему о нем поведал, «богом». Этот «бог» должен творить новый мир, сокрушая старый. О том, как это делается, Ницше выражается дипломатично, в привычной для него стилистике двусмысленности: «Хочу проповедовать мысль, которая многим дает себе право перечеркнуть, — великую *культивирующую* мысль». Яснее сказано, когда он взывает к «экстатичному нигилизму, который при некоторых обстоятельствах прямо-таки необходим для философа — как могучий пресс и молот, которым он крушит вырождающиеся, вымирающие расы и сметает их с пути, чтобы проложить дорогу новому строю жизни или чтобы внушить всему, что хочет вырождения и смерти, жажду конца» [8, с. 552]. И еще яснее: «Мысль о вечном возвращении как избирательный принцип на службе силы (и варварства!!)» [8, с. 553].

Обратимся к заключительному разделу последней, четвертой книги трактата «Воля к власти», озаглавленной «Вечное возвращение».

В первом же афоризме (1053) сказано: «Моя философия несет в себе победоносную мысль, о которую в конечном итоге разобьется всякий иной способ мышления. Это великая *культивирующая* мысль: расы, не способные ее вынести, обречены (*verurteilt*), те же, которые воспримут ее как величайшее благодеяние, избраны для господства» [10, с. 552]. Поэтому свою философию он определяет так: «*Величайшая* борьба: для нее потребно *новое* оружие». Это оружие сокрушающее — «молот». Такую же роль может сыграть и «экстатический нигилизм...», которым он крушит вырождающиеся, умирающие расы и сметает их с пути, чтобы проложить дорогу новому строю жизни или чтобы внушить всему, что хочет вырождения и смуты, жажду конца» [10, с. 552].

И в продолжение этой мысли в следующем афоризме: «Хочу проповедовать мысль, которая многим дает право себя перечеркнуть, - великую *культивирующую* мысль» [10, с. 552].

Приведенные цитаты Ницше о «вечном возвращении» явно — впрочем, по обыкновению — двусмысленны.

Посмотрим, как философ мастерски работает с этой самой двусмысленностью. И не потому, что он сваливает выбор на других. А потому, что его собственный выбор — та самая двусмысленность, недосказанность и есть. И вот что конкретно выходит: в русском переводе «вечное возвращение» обозначается как «великая *культивирующая* мысль». Так обобщенно, нейтрально, конечно, можно перевести немецкий *züchtende* как «*культивирующая* мысль». В данном случае переводчик почти теряет полноту смыслов немецкого слова *züchtend* и даже впадает в противоречие: ведь философ ратовал не за культуру, а за варварство.

Глагол *züchten* имеет разные смыслы. В словаре он переводится как «культивировать» применительно к селекции и выведению сортов растений. Применительно же к человеку он означает: «держат в строгости, наказывать заключением в тюрьму на 5-10 лет». *Zuchthaus* — устаревшее обозначение тюрьмы.

Теперь к *verurteilt* — в русском переводе: «обречены». Этот перевод точно передает двусмысленность слова. «Обречен» звучит как приговор, но на что? Так — контекстуально — следует понимать слово в оригинале в том же самом смысле, хотя его можно понять как: «обречён на молчание, на одиночество или приговорен к тюремному заключению или смертной казни». Контекст Ницше допускает и более точный перевод: не «обречены», а «приговорены», ибо тут же, через один афоризм, Ницше опять возвращается к «молоту», который «крушит вырождающиеся, вымирающие расы и сметает их на пути, чтобы проложить дорогу новому строю жизни или чтобы внушить всему, что хочет вырождения и смерти, жажду конца» [10, с. 552]. И опять двусмысленность: что это безличное, абстрактное «всё» и как ему внушить жажду конца? И что на выходе? Ницше хочет устранения целых рас, но они сами должны, по чьему-то внушению, сами себя уничтожить. И никакого внешнего физического насилия. Вот такое — гротескное — «самовоспитание» получается. Но это провокация. И философ это понимал. Он писал о том, что в будущем (недалеком) с его именем будут связывать грядущие мировые потрясения катаклизмы — из-за поверхностного, а, следовательно, и ложного восприятия его философии. И он не ошибся. В первую мировую войну каждому немецкому солдату клали в ранец книгу Ницше «Так говорил Заратустра», простенькое “*Kriegsausgabe*” («военное издание»). Позже нацисты использовали Ницше, но только как имя, как предтечу их примитивной идеологии, которую философ по факту скорее опровергал, чем предсказал.

Но вернемся к вопросу: как увязать «вечное возвращение того же самого» со «сверхчеловеком», которого никогда не было. А коль он появился у Ницше, то вместо этого самого «вечного возвращения того же самого» появляется «вечное возвращение повтора», который никогда не совпадает с тем, чему он вторит. Ответ прост: мы ищем логику там, где ее нет. В «Воле к власти» в третьей книге есть даже глава, подтверждающая наш тезис самим ее названием: «Против каузализма». И все же логика здесь уместна: на первый взгляд неразрешимое противоречие гасится в единстве философии Фридриха Ницше, а она, в свою очередь, центрирована на «воле к власти», где «вечное возвращение» есть ее инструмент, а «сверхчеловек» — ее субъект. И ничего из этой триады Ницше не изобрел: они существовали (и существуют в соответствующих эпохах обликах) от века. Но почему переоткрытие этих феноменов Ницше взбудоражило весь культурный мир и так и не переходит в состояние исторического прошлого? Вот ответ, который мы находим у него самого: «Крайне существенная разница, относится ли мыслитель к своим проблемам лично, видя в них свою судьбу, свою нужду и даже свое величайшее счастье, или «безлично»: именно, умея лишь ощупывать и схватывать щупальцами холодной, любопытной мысли... Как же случилось, что я еще не встречал, даже в книгах, никого, кто относился бы к морали с такой личной установкой, кто признавал бы мораль проблемой, а эту проблему своей личной нуждой, мукой, сладострастием, страстью?» [10, с.665].

А его страсть была «воля к власти»: «...хотите знать *имя* этому миру? *Решение* всех ваших загадок? *Свет* и для вас, о, вы, потаеннейшие, сильнейшие, самые бесстрашнейшие и самые полуночные? *Этот мир есть воля к могуществу* и — *ничего кроме этого!* И вы сами тоже суть та же воля к могуществу — и ничего кроме этого!» [10, с.558].

Только вот получается не зарифмованность последних слов (в русском переводе) итогового, хоть и незавершенного (открытый финал?) трактата Ницше с его названием, заглавием: “Воля к власти”. Потому что, при ближайшем рассмотрении слова “могущество” и немецкое “*Macht*”, согласно с толковыми словарями двух языков, при всей их близости, не совсем совпадают. По-русски «могущество», обладая полнотой субъектности, не обязательно требует объекта его реализации. Могущественное государство, к примеру, не обязательно должно быть агрессивным, т.е. реализовать себя посредством подавления некоего объекта, к примеру, другого

государства. Среди множества значений в немецком толковом словаре (ссылаемся на словарь “Duden”, 1983 года издания, подготовленного на основе «Большого шеститомного толкового словаря немецкого языка»). И вот как там толкуется слово “Macht” под номером 1: пункт “a”: “Gesamtheit der Kräfte u. Mittel der jemd. od. einer Sache gegenüber anderen zur Verfügung stehen”. Слово «могущество» не требует предложного управления, чего нельзя сказать о «воли к власти» (над кем, над чем?) Но эти лингвистические рассуждения наводят на совсем другую проблему.

Из вышеизложенного нами по поводу «вечного возвращения» можно заключить, что Ницше, введя в вечный круг идентичного возврата некое новое сознание и «сверхчеловека», создал что-то вроде некоей религии, только религии сатанинской, дьявольской. Или, по выражению М.Хайдеггера, «негативную теологию».

1. Грицанов А.А. Апокатастатис // Новейший философский словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 53-54.
2. Лосев А.Ф. Античная философия истории. СПб.: Алетейя, 2000. 256 с.
3. Семёнова С.Г. Философ будущего века: Николай Фёдоров. М.: Пашков дом, 2004. 584 с.
4. Дудкин В.В. Достоевский — Ницше: (Проблема человека); Карел. гос. пед. ин-т. Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1994. 151 с.
5. Blanqui L. L'éternité par les astres: hypothèse astronomique. Paris, 1872. P. 73-76.
6. Ницше Ф.В. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 831 с.
7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 15. Братья Карамазовы. Кн. 11-12. Эпilog / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1972—1990. 624 с.
8. Ницше Ф.В. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 832 с.
9. Johann Figl. Rezeption zentraler Themen Friedrich Nietzsches // Фридрих Ницше: наследие и проект / Сост. и отв. ред. Ю.В.Синеокая, Е.А.Полякова; пер. А.Г.Жаворонков, И.М.Полякова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 824 с.
10. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей: Незавершенный трактат Фридриха Ницше в реконструкции Элизабет Ферстер-Ницше и Петера Гаста / Пер. с нем. Е.Герцык и др. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.

References

1. Gritsanov A.A. Apokatastatis [Apokatastasis]. Noveyshiy filosofskiy slovar'. Minsk, 2001, pp. 53-54.
2. Losev A.F. Antichnaya filosofiya istorii [Ancient Philosophy of History]. St. Petersburg, 2000. 256 p.
3. Semenova S.G. Filosof budushchego veka: Nikolay Fedorov [Philosopher of the Future Century: Nikolai Fedorov]. Moscow, 2004. 584 p.
4. Dudkin V.V. Dostoevskiy — Nitsche: (Problema cheloveka) [Dostoevsky - Nietzsche: (The Problem of Man)]. Petrozavodsk, 1994. 151 p.
5. Blanqui L. L'éternité par les astres: hypothèse astronomique. Paris, 1872, pp. 73-76.
6. Nitsche F.V. Works in 2 vols, vol. 1. Moscow, 1990. 831 p.
7. Dostoevskiy F.M. Complete works in 30 vols, vol. 15. Brat'ya Karamazovy. Кн. 11-12. Epilog / AN SSSR, Institut russkoy literatury (Pushkinskiy dom). Leningrad, 1972—1990. 624 p.
8. Nitsche F.V. Works in 2 vols, vol. 2. Moscow, 1990. 832 p.
9. Johann Figl. Rezeption zentraler Themen Friedrich Nietzsches. In: Fridrikh Nitsche: nasledie i proekt. Moscow, 2017. 824 p.
10. Nietzsche F. Wille zur Macht Versuch einer Umwertung aller Werte Ausgewählt und geordnet von Peter Gast und Elisabeth Förster. 1996, 752 p. (Rus. ed.: Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostey: Nezavershennyy traktat Fridrikha Nitsche v rekonstruktsii Elizabet Ferster-Nitsche i Petera Gasta. Moscow, 2005. 880 p.).

Dudkin V.V. Eternal Comeback — of the Same? The article analyzes Nietzsche's “Eternal Comeback of the Same” from the perspective of its complete incompatibility with the “superhuman” who has never existed before. But Nietzsche did not even try to solve this problem of compatibility of the incompatible, because he rejected all “causality”. Nevertheless, he did somehow find the possibility to combine both in some kind of a whole. This is what happens in the most important idea that constitutes the core of the entire Nietzsche's philosophy — the “will to power”. The eternal comeback is an instrument of the will to power, and the superhuman is its subject.

Keywords: Nietzsche, eternal comeback, superhuman, will to power, repetition.

Сведения об авторе. Виктор Викторович Дудкин — доктор филологических наук, профессор, заведующий учебно-научной лабораторией достоевсковедения инновационного комплекса «Антоново» ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»; ORCID: 0000-0002-2972-6951; viktordudkin1@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.10.2020. Принята к публикации 01.11.2020.